

* * *

Познать все тайны мира не дерзаю,
но далеко не все «по кочану»,
быть может, потому, что я не знаю,
как жить, не удивляясь ничему
и никому...

Вот как не удивиться
тому, что курит — скверные дела! —
кальян турецкий томная девица,
а лишь недавно — девицей была?
Мне жаль ее, надменную...

Однако
не все так плохо: вот же — на углу
кафешки

удивляется собака —
немолодая — зимнему теплу.

* * *

Идут минуты новых суток,
соседи, как младенцы, спят.
А ночь темна, как миска супа
из замороженных опят.

Шуршит в конфорке пламень синий,
сердечный теплится уют...

Идут минуты... Вместе с ними
и все, кто даже спит,
идут.

Спит, оплатив квитанций тонну,
мой дом...

В седьмой — подушку мнет
и плачет старшая по дому —
к ней муж законный не идет.
Она сурова, словно стужа,
она в подъезде гасит свет,
а мы сочувствуем — ни мужа,
ни мужика у старшей нет.

* * *

Сегодня враз — на утренней заре —
от светлых чувств (ну и хмельные малость) —
так мужики запели во дворе,
что в нашем доме спящих не осталось.

Кто кофе пьет, а кто — дымит в окно,
кто ест, а кто — изжогу мучит содой:
дела такие — разные — давно
мы называем внутренней свободой.

Я сам освободился от оков
былых страстей, к семейной жизни — годен
давно...

В кругу поющих мужиков
мужик по-настоящему свободен!

Допели, разошлись — по одному,
все по своим красавицам — не спящим.

...Свободы нет без женщин, потому
они поют и вовремя, и чаще.

* * *

Разгулялся мороз поутру...
Вижу я мужика,
а на дяде —
шапки нет: он стоит на ветру
с философской грустинкой во взгляде.
Нет у нас «понаехавших», но
этот будет, наверное, первым...

...Точно так же в поселке темно,
как на бывшем заводе консервном.
Закуржавела рощица, где
неприкаянно ухает леший...

...Кто такой он — мужик в бороде,
со светящейся гладью проплешин?

Выйду жителям нашим навстречу,
через дерево — снега скирда...
Про мороз ничего не отвечу,
про поселок скажу: навсегда.

* * *

Ну, что, живем — от кваса до перловки,
чужих собак не гоним со двора...
Зовут и нас на выборы листовки,
но не идет народ на выборá.

Здесь варят щи, как водится, на роту,
ну, на неделю, если без гостей.
Ну и куда идти ему, народу,
когда и так хватает новостей?

И, как сказала Клавдия Петровна
(да вот она — глядит с утра в окно):
«В душе все есть. Душа, что надо, ровно
с тем, что желала, выбрала давно».

* * *

Немалым слыл, незыблемым запас
тепла... Увы, дожди залютовали.
На Тридевятой улице — у нас —
темно, как в неустроенном подвале.

Стряхнув с души сомнений праздных тлю,
впрягусь в гармонь — сыграю все, что помню.
Поселок свой — настойчиво люблю,
от темноты — никто еще не помер.

Спою, увидев блеклую зарю,
про белый свет (слова от мамы знаю)...
...За громкий храп соседа не журю,
соседку песней громкой не терзаю.
Былых тревог в ночи остался гнет.
Тепло дадут — молва сквозит по дому...

Свет все равно из тьмы произрастет —
у нас и не бывает по-другому.